

УДК 327

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_3_157

ТРАНСФОРМАЦИИ «СЕВЕРНОЙ ПОЛИТИКИ» РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В РЕАЛИЯХ XXI ВЕКА

Ким Мин Кёль,

Московский государственный институт международных
отношений (МГИМО) МИД России,
Москва, Россия,
kim.m.k@my.mgimo.ru

Кирилл Евгеньевич Коктыш,

Московский государственный институт международных
отношений (МГИМО) МИД России,
Москва, Россия,
kirill.koktysh@gmail.com

*Получена 15.02.2025.**Поступила после рецензирования 13.04.2025.**Принята к публикации 15.05.2025.*

Для цитирования: Кёль К.М., Коктыш К.Е. Трансформации «Северной политики» Республики Корея в реалиях XXI века // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22. № 3. С. 157–170. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_3_157

Аннотация

Целью данной статьи является анализ процесса трансформации «Северной политики» Республики Корея (РК) после смены политики США в регионе с приходом администрации Джорджа Буша-младшего. США сменили ранее нейтральную позицию по отношению к процессам интеграции в Евразии на негативную (Коктыш и др., 2024, с. 173–175), и Корейский полуостров предсказуемо стал объектом

© Кёль К.М., Коктыш К.Е., 2025

их повышенного внимания. Причисление КНДР Вашингтоном к «оси зла», отказ от ранее подписанных Рамочных соглашений и ультимативные требования в отношении ядерной программы крайне затруднило для Сеула возможность эффективно осуществлять «Северную политику», однако не отменило ее. Последняя успела стать безусловной ценностью для элит Южной Кореи, ее успешная реализация стала мыслиться Сеулом как условие обретения полноценного внешнеполитического суверенитета. В рассматриваемый период она осуществлялась в условиях сильного патронажа США.

Статья охватывает период правления администраций Но Му Хёна (2003–2008 гг.), Ли Мён Бака (2008–2013 гг.), Пак Кын Хе (2013–2017 гг.), Мун Чжэ Ина (2017–2022 гг.) и Юн Сок Ёля (2022–2024). Опорными способами исследования являются когнитивный анализ, равно как и проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. В этот период «Северная политика» пережила и периоды успехов, когда она реально определяла императивы внешней политики, что можно отнести главным образом к администрациям Но Му Хёна и Мун Чжэ Ина, и периоды провалов – это неизменно случалось, когда она начинала использоваться инструментально, в качестве способа одностороннего решения «корейского вопроса» на условиях Запада. Но, что важно, отсутствие успехов на магистральном северокорейском направлении было компенсировано успехами на направлениях «второго плана»: «Северная политика» стала развиваться «вширь», включив в себя длинный ряд государств Евразии. В процессе этого РК обрела опыт многосторонней коммуникации и смогла выстроить отношения с ключевыми государствами региона. Не менее важно и то, что запрос на конструктивную «Северную политику» в отношении КНДР стал важным фактором общественного мнения населения Южной Кореи. Последнее в полной мере проявилось в процессе отставки сделавшего ставку на военный переворот и военную конфронтацию с КНДР президента Юн Сок Ёля. Таким образом, многолетний курс руководства Республики Корея на обретение полноценного внешнеполитического суверенитета принес определенные успехи, в числе которых – удержание региона Северо-Восточной Азии (СВА) от угрозы дестабилизации на излете 2024 года. Суверенитета действительно стало больше. Не представляет сомнений, что концепт «Северной политики» продолжит и далее конструктивно развиваться при последующих администрациях Республики Корея.

Ключевые слова:

Северная политика, Новая северная политика, Новая экономическая карта Корейского полуострова, Политика объединения Корейского полуострова, Корейская политика внешней политики и безопасности, Корейская национальная стратегия, межкорейские отношения

Источники финансирования:

статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках гранта ИМИ № 2025–04–04.

UDC 327

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_3_157

TRANSFORMATIONS OF THE REPUBLIC OF KOREA'S "NORTHERN POLICY" IN THE REALITIES OF THE 21ST CENTURY

Kim Min Koel,

Moscow State Institute of International Relations,
Moscow, Russia,
kim.m.k@my.mgimo.ru

Kirill E. Koktysh,

Moscow State Institute of International Relations,
Moscow, Russia,
kirill.koktysh@gmail.com

*Received 15.02.2025.**Revised 13.04.2025.**Accepted 15.05.2025.*

For citation: Koel, K.M., Koktysh, K.E. (2025). Transformations of the Republic of Korea's "Northern Policy" in the Realities of the 21st Century. *Discourse-P*, 22(3), 157–170. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_3_157

Abstract

The purpose of this article is to analyze the process of transformation of the "North Policy" of the Republic of Korea in the period after the US policy in the region has changed, this occurred with the George W. Bush administration. The United States switched previously neutral position towards the integration processes in Eurasia to a negative one (Koktysh, Sergeev, Igityan, 2024, pp. 173–175), and the Korean Peninsula predictably became the primary object of their increased attention. Washington's designation of the DPRK as an "axis of evil", the rejection of previously signed Framework Agreements and ultimatum demands regarding the nuclear program made extremely difficult for Seoul the effective implementation of the "Northern Policy", but did not cancel it. The latter managed to become an absolute value for the elites of South Korea, its successful implementation began to be considered by Seoul as a condition for gaining full-fledged foreign policy sovereignty. During the period under review, it was carried out under the conditions of strong patronage of the United States.

The article covers the period of the administrations of Roh Moo hyun (2003–2008), Lee Myung-bak (2008–2013), Park Geun-hye (2013–2017), Moon Jae-in (2017–2022) and Yoon Suk yeol (2022–2024). The main research method is cognitive analysis, as well as problem-chronological and comparative historical methods. During this period, the "Northern Policy" passed through the periods of success, this happened when it really

defined the imperatives of foreign policy, it can be attributed mainly to the administrations of Noh Moo Hyun and Moon Jae-in, and through the periods of failures – this invariably happened when it began to be used instrumentally, as a tool of unilateral solution of “the Korean question” on Western terms. But, what is not less important, the lack of success in the main North Korean direction was compensated by successes in the “second plan” directions: the “Northern Policy” began to “broad up”, having included a long range of Eurasian states. In the process, the Republic of Korea gained experience in multilateral communication, and managed to build relations with key states of the region. Equally important that the request for a constructive “Northern Policy” towards the DPRK has become an important factor in the public opinion of the South Korean population. The last became obvious when resignation of President Yoon Suk yeol happened: his stake on military coup and military confrontation with the DPRK was rejected.

Thus, the long-term course of the leadership of the Republic of Korea towards gaining full-fledged foreign policy sovereignty has brought certain successes, including keeping the Northeast Asia (NEA) region from the threat of destabilization at the end of 2024. There is indeed more sovereignty. There is no doubt that the concept of “North Policy” will continue to develop constructively under the subsequent administrations of the Republic of Korea.

Key words:

Northern Policy, New Northern Policy, New Economic Map of the Korean Peninsula, Unification Policy of the Korean Peninsula, Korean Foreign and Security Policy, Korean National Strategy

Funding:

The article was prepared with the financial support of the Moscow State Institute of International Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs as part of the IMI grant No. 2025–04–04.

Введение

С приходом к власти в США администрации Джорджа Буша-младшего политика США в отношении КНДР кардинально изменилась: договоренности, ранее достигнутые Пхеньяном с администрацией Клинтона, были отменены, КНДР была объявлена «осью зла» и столкнулась с жестким американским давлением. Для администрации Ким Дэ Чжуна, вполне успешно проводившей в отношении КНДР «политику солнечного тепла», и уже сумевшей после провалов предыдущей администрации инициировать процесс восстановления межкорейского доверия, это стало весьма неблагоприятным развитием ситуации. Открывшееся в начале 90-х «редкое окно возможностей» грозило полностью захлопнуться. Казавшаяся столь близкой возможность обретения внешнеполитического суверенитета на глазах становилась призрачной и недостижимой. Надо отдать должное тогдашним элитам Южной Кореи и ее дипломатии: они сделали

все возможное, чтобы это «окно» как минимум сохранить приоткрытым. В этом контексте представляет особый интерес начавшаяся тогда реконцептуализация «Северной политики»: в условиях отложенной на неопределенный срок возможности достижения главной цели та стала эволюционировать «вширь», по сути превращаясь в главный когнитивный интегратор всех направлений и смыслов, которые, тем либо иным образом, можно было отнести к зоне суверенной политики Сеула.

Это во многом объясняет тот момент, что произошедшее в XXI веке драматичное развитие ситуации на Корейском полуострове, которое окончательно перевело «проблему КНДР» на уровень сверхдержав – так, КНДР стала ядерной страной, Ким Чен Ын добился прямой коммуникации с президентом США Трампом, а в 2024 году заключил с Россией договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, при этом не вычеркнуло РК из числа игроков, способных серьезно влиять на ситуацию. Для этого РК при любой возможности целенаправленно выстраивала многостороннюю коммуникацию со всеми акторами, так или иначе вовлеченными в дела региона, где не последними были евразийские государств.

При этом прогресс, собственно, на северокорейском направлении, который по сути и был наиболее существенным продвижением к внешнеполитическому суверенитету, неизменно происходил только тогда, когда «Северная политика» была для Сеула реальной доктриной, т. е. стабильно принимаемыми правилами игры, обеспечивающим полноценный и равноправный диалог. В ситуациях же, когда руководство Сеула отодвигало эти правила игры в сторону, т. е. переходило к инструментальному использованию «Северной политики» как уже отработанного средства, неизменным результатом оказывался новый провал, не только разрушавший ранее наработанные достижения, но и переводивший конфронтацию на следующий, качественно новый уровень. Одновременно с этим росла и степень зависимости политики РК от США, что понятным образом в очередной раз «схлопывало» пространство ее суверенитета.

Опорным методом исследования является когнитивный, равно как и проблемно-хронологический и сравнительно-исторический подходы.

«Политика мира и процветания СВА» администрации Но Му Хёна (2003–2008 гг.)

В условиях американского давления на КНДР Сеул пытался, насколько это было возможно, сохранить ранее наработанный запас взаимного доверия с Пхеньяном. Борьба за свой внешнеполитический суверенитет РК пришлось уже в рамках многостороннего формата. Американская политика давления на КНДР вполне предсказуемо привела к обратным результатам: в январе 2003 года КНДР объявила о выходе из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и возобновлении ядерных исследований. При этом Пхеньян продолжал настаивать на продолжении переговоров с США и выдвинул три пункта, которые он готов был обсуждать с Вашингтоном: признание суверенитета КНДР, заключение пакта о ненападении и устранение препятствий, тормозящих экономическое развитие КНДР. С американской стороны последовало заявление

о неприемлемости переговоров с Пхеньяном, так как диалог с ним «поощряет его плохое поведение» (Денисов, 2006, с. 7).

В этих условиях в должность президента РК вступил Но Му Хён, провозгласивший «Политику мира и процветания Северо-Восточной Азии». Она отобразила новые реалии: к поиску дипломатического урегулирования корейской проблемы теперь подключились США, КНР, Россия и Япония. В 2003 году начались шестисторонние переговоры, которые неоднократно прерывались, откладывались и периодически находились на грани полного срыва, главным образом из-за конфронтационной позиции Японии. Пхеньян категорически возражал против американского требования прекратить все виды ядерной деятельности, включая мирную программу, и уже в феврале 2005 года КНДР объявила о том, что обладает ядерным оружием (Денисов, 2006, с. 8). Тем не менее участники переговоров не отказались от поиска политического решения и 19 сентября 2005 года было подписано Совместное заявление, в соответствии с которым 1) процесс денуклеаризации Корейского полуострова должен был проходить мирно и транспарентно, 2) КНДР обязалась отказаться от ядерного оружия и прекратить все ядерные программы, а также вернуться в Договор о нераспространении ядерного оружия и восстановить свои отношения с МАГАТЭ, 3) США подтвердили отсутствие американского ядерного оружия на Корейском полуострове и заявили о том, что не намерены нападать на КНДР с использованием ядерного или обычных вооружений (Денисов, 2006, с. 8). Однако после подписания заявления КНДР напомнила о своем праве на мирный атом и потребовала предоставления легководных реакторов (ЛВР), дав понять, что ее возвращение в ДНЯО и инспекции МАГАТЭ возможны только после получения ЛВР. Вашингтон отклонил это требование и ввел санкции против ряда северокорейских компаний, после чего Пхеньян прервал участие в переговорах.

Президент Но Му Хён во многом стал заложником обстоятельств: проблема «двух Корей» окончательно потеряла шансы остаться двусторонней и быть урегулированной корейскими народами. С другой стороны, в такой ситуации были и приобретения для РК: та стала полноправной участницей стратегического многостороннего диалога, что предполагало выход ее дипломатии на принципиально новый уровень. Администрация Но Му Хёна, конечно, оказалась заложником ухудшения отношений КНДР-США и усиления конкуренции КНР-США, что существенно ограничило ее возможности (Асмолов, Соловьев, 2021), но и в этих условиях сумела продемонстрировать весомость Сеула в качестве активного участника многостороннего диалога. Так, Но Му Хён смог политически капитализировать новый международный статус РК: «Северная политика» стала включать и Россию, а президент РК сумел установить близкое взаимодействие с Москвой в рамках «группы двадцати», чему способствовала близость позиций по вопросам, обсуждавшимся в рамках данного формата (Толорая, 2019, с. 222). Таким образом, «Северная политика» – правда, уже под другим, более отвечающим новой политической конъюнктуре названием, которое вполне можно было «брендировать» как часть реализуемой США политики – сохранилась и расширилась, сохранив в себе изначальные императивы.

**«Ресурсная дипломатия»
администрации Ли Мён Бака (2008–2013 гг.)**

Президент Ли Мён Бак, вступивший в должность в 2008 году, столкнулся с самым напряженным моментом в межкорейских отношениях. С одной стороны, функционирование «шестерки» укрепило убежденность руководства КНДР в том, что ядерное оружие является надежной гарантией ее безопасности, и отказ от ядерного статуса недопустим. Многочисленные затягивания переговоров и откладывание выполнения взятых на себя обязательств со стороны США подталкивали Пхеньян к убеждению, что истинной целью Вашингтона является смена режима в КНДР, а наличие ядерного оружия предполагает, что США не решатся на военную интервенцию. Г.Д. Толорая отмечает, что единственным шансом для улучшения ситуации могло быть официальное признание США суверенитета КНДР и предоставление гарантий безопасности, подтвержденных мировым сообществом (Толорая, 2019, с. 47–48).

Однако этого не произошло, и в начале президентства Б. Обамы Пхеньян решил пойти на обострение. В марте 2010 года на западной морской границе затонул южнокорейский корвет «Чхонан». Сеул обвинил в инциденте подводную лодку КНДР, что стало для Ли Мён Бака поводом серьезно ужесточить политический курс в отношении КНДР. Но главной причиной смены курса стал приход к власти в КНДР Ким Чен Ына, вновь породивший у Запада и Сеула ожидания, что режим Северной Кореи не сможет избежать дестабилизации. В результате президент Ли Мён Бак, «опиравшийся на крупный бизнес и проамерикански настроенных консерваторов РК», повторил ошибку Ким Ён Сама и вернулся «к принципу увязывания политики и экономики», заявив, что полноценное межкорейское сотрудничество начнется только после отказа КНДР от ядерной программы (Захарова, 2014, с. 22–23). Это предсказуемо привело к очередному тупику на северокорейском направлении, де-факто ослабившему позиции РК: Воронцов в этой связи отмечает, что на Ли Мён Баке фактически завершилась стадия примирения, и «маятник решительно двинулся в сторону конфронтации, приведя к разрушению всего обширного потенциала сотрудничества, созданного усилиями администраций президентов Ким Дэ Чжуна – Но Му Хёна (Воронцов, 2021).

Невозможность прогресса в межкорейских отношениях вновь породила тренд к максимизации международного влияния РК, которое в этот раз было ориентировано на Россию и постсоветские страны. При том что выбранный Ли Мён Баком курс в отношении Пхеньяна в целом не способствовал и диалогу с Россией, декларировавшей цель «вывода КНДР из изоляции, взаимодействию с ней в интересах снижения напряженности в Северо-Восточной Азии и налаживания взаимовыгодного многостороннего сотрудничества, особенно в логистике и энергетике» (Толорая, 2019, с. 222), РК смогла продвинуться в решении ряда практических вопросов. Так, возникло сотрудничество РК с Россией в рамках трех «новых Шелковых путей» в части строительства железной дороги, транспортировки газа и в области сельского хозяйства.

Тупик в вопросе урегулирования ядерной проблемы также не стал препятствием для продвижения на остальных направлениях: «Северная политика»

администрации Ли Мён Бака расширилась на страны СВА, а затем приняла форму «новой азиатской дипломатии», которая охватывала все азиатские страны, включая Центральную Азию, где в рассматриваемом периоде развивались связи с Россией и региональные интеграционные объединения (Денисов, Сафранчук, 2016; Хоперская, Харченко, 2017). Иными словами, провал Ли Мён Бака на магистральном направлении стал для него основанием продолжать реализовывать заложенный Но Му Хёном курс развития «Северной политики» вширь.

«Евразийская инициатива» администрации Пак Кын Хе (2013–2017 гг.)

«Северная политика» в очередной раз трансформировалась и получила новое название при президенте Пак Кын Хе, вступившей в должность в 2013 году. Спустя 20 лет после президентства Но Тхэ У континентальная политика вновь была возвращена в центр внешнеполитической доктрины РК. Пак Кын Хе предложила «Евразийскую инициативу», опирающуюся на три концепта: «единый континент», «творческий континент» и «мирный континент».

Пак Кын Хе изначально увидела перспективу для конструктивного развития «Северной политики» путем ее интеграции с китайским проектом «Пояс и Путь» и российским евразийским проектом, немедленно достигнув на этом направлении значимых успехов. Представляя «Экспресс шелкового пути», начинавшегося в Пусане на юго-восточной части РК и соединяющий КНДР, КНР, Россию, Центральную Азию и Европу комплексной логистической системой, включающей железнодорожное сообщение, автомобильные дороги, порты и аэропорты, президент Пак Кын Хе позиционировала «Евразийскую инициативу» как новое видение внешней политики РК по континентальному направлению (Ким, 2016а). В Москве серьезно отнеслись к инициативе Пак Кын Хе и в ноябре 2013 года состоялся официальный визит президента В.В. Путина в РК, по результатам которого Сеул добился одобрения Россией своего участия в освоении Арктики, а также было согласовано продолжение взаимодействия в космических исследованиях. Кроме того, были отменены визы для краткосрочных поездок граждан двух стран и создан российский центр науки и культуры в Сеуле (Ким, 2016а).

Однако такое развитие не устраивало США, воспринимавших оба проекта: и «Пояс и Путь», и «Евразийский экономический союз» в качестве потенциально опасных США интеграционных объединений. В итоге после 2015 года под давлением администрации Обамы Пак Кын Хе резко изменила курс и вернулась к жесткому курсу Ли Мён Бака в отношении КНДР, суть которой сводилась к сочетанию давления и санкций с подрывной работой и изоляцией режима не только вовне, но и внутри страны. Враждебность к Пхеньяну достигла беспрецедентного уровня, обсуждались сценарии высадки десанта в КНДР с захватом Пхеньяна (Ким, 2016b), и произошла отработка ударов по северокорейской столице в ходе совместных с США учений весной 2016 г. (Ким, 2016b). Г.Д. Толорая отмечает, что эта политика во многом развязала руки Пхеньяну для наращивания без каких-либо ограничений своего военного потенциала, в первую очередь ракетно-ядерного (Толорая, 2019, с. 95).

**«Новая северная политика»
администрации Мун Чжэ Ина (2017–2022 гг.)**

Приход к власти в РК Мун Чжэ Ина, по идее, открыл возможность для полноценной ревизии «Северной политики». Шин Бом Сик по этому поводу пишет, что с точки зрения основных целей, «Северная политика» изначально мыслилась как «часть стратегии по созданию автономного пространства в условиях структурных геополитических ограничений», в рамках которых находится Южная Корея. Корейский полуостров находится на геополитической линии разлома между континентальными и морскими державами, и эта структурная характеристика является онтологическим ограничением дипломатии Южной Кореи и Северной Кореи. И если «в период холодной войны межкорейские отношения были соревнованием и конфронтацией», что обуславливало простоту и очевидность задач, то после ее окончания «масштаб этой геополитической линии разлома был нарушен и расширен», в результате превратившись в новый вызов для корейской дипломатии, теперь «вынужденной балансировать между борьбой за автономию и угрозой выживания» (Шин, 2018). Ответом на этот вызов Шин Бон Сик видит в расширении многосторонних контактов РК со всеми игроками «Севера», которые и должны помочь удержать баланс.

Собственно, попыткой найти такой баланс и была политика Мун Чжэ Ина. Вскоре после его прихода к власти на президентских выборах США победил Д. Трамп, что вновь существенно изменило расклады вокруг КНДР – США взяли на себя ответственность за коммуникацию с КНДР, что обеспечило Мун Чжэ Ину относительную свободу рук на иных направлениях. Он не преминул ею воспользоваться, выдвинув инициативу «Северо-Восточная Азия и сообщество ответственности» (СВА и СО) за обеспечение мира и процветания через сотрудничество между странами региона. Инициатива представляла собой очередное когнитивное расширение изначальной метафоры «севера» и предполагала существенное расширение пространства корейской дипломатии на т.н. «Большой Юг», включающий Индию, Австралию и Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), и «Большой Север», включающий Россию, Монголию и Центральную Азию. В рамках реализации данной инициативы администрация Мун Чжэ Ина продвигала «Платформу мира и сотрудничества в СВА» в качестве «оси мира», а «Новую южную политику» и «Новую северную политику» в качестве «оси процветания».

В этот период произошло и изменение политики США в отношении КНДР, которые, по оценке Воронцова, «напоминали фразеологизм «из крайности в крайность»: в 2017 году президент Трамп с трибуны ООН грозился ответить «огнем и яростью» и стереть с лица земли КНДР, применив ядерное оружие, на что получал из Пхеньяна аналогичные ответы и даже пытался доказать, что «ядерная кнопка больше», но уже в 2018 году состоялся небывалый дипломатический феномен – три личных встречи Д. Трампа и Ким Чен Ына» (Воронцов, 2021). В ходе них стороны сумели договориться о ряде важных, но далеко не всех необходимых для установления мира вопросах.

Установление Трампом диалога с Пхеньяном открыло перед Мун Чжэ Ином возможность прямого взаимодействия с КНДР (Воронцов, 2018).

После межкорейского саммита в демилитаризованной зоне стороны подписали совместное заявление о демилитаризации Корейского полуострова, прекращении крупномасштабных артиллерийских учений и военных полетов вблизи от демилитаризованной зоны, создании в приграничных районах Желтого и Японского морей 80-километровой зоны, где не будут проводиться военные учения, и начале воссоединения транскорейской железной дороги. Однако прогресс в части решения северокорейской проблемы прекратился со сменой администрации в США (Дьячков, 2021).

Северная политика Юн Сок Ёля (2022–2024)

Северная политика президента Юн Сок Ёля, правление которого оказалось краткосрочным и прекратилось в декабре 2024 года с предпринятой им попыткой введения военного положения, после ее провала ему был объявлен импичмент, как минимум была возвращением к конфронтационному курсу Ли Мён Бака и поздней Пак Кын Хе, а как максимум могла привести к дестабилизации Корейского полуострова. Судя по поступающей информации, за введением военного положения Юн Сок Ёлем стояли планы, предполагавшие попытку перевести решение «корейского вопроса» в военную плоскость. Ранее сделанные Юн Сок Ёлем заявления побуждают отнестись к этой информации серьезно: так, еще во время предвыборной кампании он допустил возможность нанесения превентивного удара по КНДР, а в первой своей речи в качестве избранного президента заявил, что РК должна быть ключевым актором, а не медиатором, в решении вопроса денуклеаризации Северной Кореи¹ (Shin, 2022). В другой речи, произнесенной 15 августа 2024 года, в день Освобождения Кореи от японской колонизации, он заявил, что «освобождение полуострова остается незавершенной задачей», а «свобода Южной Кореи «должна быть распространена и на замерзшее королевство Севера, где люди лишены свободы и страдают от нищеты и голода», и провозгласил в качестве цели создание «единой и свободной демократической нации»². Иными словами, речь шла о той же политике поглощения КНДР Республикой Корея на своих условиях, с той разницей, что, наряду с экономическим инструментарием, рассматривалась и возможность применения военного.

Ключевой в предотвращении драматичного развития события стала реакция южнокорейских элит и общества, продемонстрировавшая, что этот путь для РК стал неприемлемым, а метафора «Северной политики» стала реальным и весомым фактором общественного сознания, задающим свои императивы политическим элитам.

¹ Shin, M. (2022, April 13). What to Expect from Yoon Suk-yeol's Policy on North Korea. *The Diplomat*. Retrieved January 30, 2025 from <https://thediplomat.com/2022/04/what-to-expect-from-yoon-suk-yeols-policy-on-north-korea/>

² В Южной Корее показали план объединения с «замерзшим королевством Севера» (2024, 15 августа). Взято 20 декабря 2024, <https://www.rbc.ru/politics/15/08/2024/66bd9ac29a7947b4d38b5ff0?ysclid=m6kyxm8dt1155095684>

С недавним приходом к власти в США Трампа можно полагать, что новое руководство РК вновь получит больше возможностей для реализации конструктивной «политики Севера», и заложенный Мун Чжэ Ином фундамент окажется востребованным.

Заключение

Драматичное развитие политической метафоры «Северной политики» в XXI веке, представлявшее собой попытки постоянного смыслового расширения пространства суверенной внешней политики РК, обретавшей, в соответствии с политической конъюнктурой, разные названия, но устойчиво сохранявшей изначальное когнитивное наполнение и задаваемые им императивы, вполне позволяет составить представление о картине мира политических элит Южной Кореи. Так, запрос на реальный суверенитет и право самостоятельно определить судьбу двух Корей на самом деле достаточно высок, и реализация его – в рамках возможного – была частью политики практически всех администраций РК в этом веке. В этом плане «случайное окно возможностей, возникнувшее в начале 90-х с распадом биполярной системы, усилиями южнокорейских не захлопнуть, а невозможность достижения главной цели, в виде решения «корейского вопроса», обусловило развитие вширь, в ходе которого РК сумела приобрести на тех направлениях, на которых чувствовала себя самостоятельным игроком, незаменимый опыт позитивного международного взаимодействия, многосторонней дипломатии и сотрудничества с такими государствами, как Россия, КНР, Япония, Монголия и страны Центральной Азии.

При этом и на северокорейском направлении РК неизменно демонстрировала успехи каждый раз, когда она начинала играть в этой коммуникации самостоятельную роль. В первую очередь речь идет о «Политике солнечного тепла» администрации Ким Дэ Чжуна и «Новой северной политике» администрации Мун Чжэ Ина. Анализируя политику последнего, Хон Ван Сок пишет, что его «новая северная политика» – это «поиск оптимальных национальных координат для мудрого преодоления ряда внешних вызовов, ограничивающих национальные интересы Кореи и диапазон маневрирования, путем сосредоточения внимания на структурных изменениях в евразийском порядке (Хон, 2020). По его мнению, текущая проблема Южной Кореи – в «дилемме корейской дипломатии, зажатой между ее союзом с США и антиамериканской, антигегемонистской стратегической солидарностью Китая и России», и «дипломатическая мудрость для преодоления этого разрыва станет ключом к успеху или провалу новой Северной политики» (Хон, 2020).

Все это лишний раз свидетельствует о том, что три измерения «Северной политики» – политика объединения, политика безопасности и национальная стратегия – существуют как взаимосвязанные части целого, в отношении которого РК может внести свой конструктивный вклад. Существенно и то, что запрос на конструктивную «Северную политику» стал важным фактором общественного сознания Южной Кореи, чему свидетельство – недавняя отставка сменившего Мун Чжэ Ина президента Юн Сок Ёля, предпринявшего провальную для себя попытку военного переворота, целью которого, как становится известно,

была вооруженная провокация против КНДР с угрожающей перспективой новой корейской войны. Именно общество Южной Кореи стало тем стабилизирующим фактором, который предотвратил столь опасное развитие.

В этом контексте надо признать, что многолетнее продвижение Республики Корея к собственному внешнеполитическому суверенитету в условиях существенных структурных ограничений принесла вполне весомые результаты, удержав на данном этапе ситуацию в Северо-Восточной Азии от угрозы крайне опасной дестабилизации. Очевидно, что в будущем «Северная политика» РК и далее будет развиваться как компонент большой национальной стратегии, сосредоточенной на Корейском полуострове как узле, соединяющем мировые континентальные и морские силы.

Список литературы

1. Асмолов, К.В., Соловьев, А.В. (2021). Стратегическая автономия Республики Корея: интеллектуальная химера или политическая реальность? *Международная аналитика*, 12(2), 49–73. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-73>
2. Воронцов, А.В. (2018). Метаморфозы на Корейском полуострове в 2018 г. *Азия и Африка сегодня*, (11), 10–17. <https://doi.org/10.31857/S032150750001782-2>
3. Воронцов, А.В. (2021). Что будет на Корейском полуострове в ближайшее десятилетие? *Международная жизнь*, (1), 122–132.
4. Денисов, В. (2006). Корейская ядерная проблема: возможности политического урегулирования сохраняются. *Аналитические записки Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России*, (8), 3–16.
5. Денисов, И.Е., Сафранчук, И.А. (2016). Четыре проблемы ШОС в свете вопроса о расширении организации. *Вестник МГИМО-Университета*, (3), 112–122. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-112-122>
6. Дьячков, И.В. (2021). Перспективы американо-северокорейского диалога в новом политическом цикле. В А.З. Жебин (Отв. ред.), *Современные проблемы Корейского полуострова: Материалы XXV конференции корееведов России и стран СНГ, Москва, 25–26 марта 2021 года* (с. 34–43). Москва: Ин-т Дальнего Востока РАН. <https://doi.org/10.48647/IFES.2021.30.98.003>
7. Захарова, Л.В. (2014). *Межкорейские экономические отношения: от истоков до современности*. Москва: ИДВ РАН.
8. Ким, С.Б. (2016a). *Дипломатия средней державы Кореи: история, теория и практика*. Сеул: Мёнгин Мунхва. (на корейском).
9. Ким, С.Б. (2016b). *Теория будущей стратегии безопасности: помимо нетрадиционной теории безопасности*. Сеул: Академия социальной критики. (на корейском).
10. Коктыш, К.Е., Сергеев, В.М., Игитян, А.А. (2024). Долгая жизнь органической метафоры Руссо: опыт деконструкции концептов американской политики в Европе и Евразии. *Вестник МГИМО-Университета*, 17(5), 161–184.

<https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-161-184>

11. Толорая, Г.Д. (2019). *У восточного порога России. Эскизы корейской политики начала XXI века*. Москва: Дашков и К.
12. Хон, В.С. (2020). Многочисленные последствия новой северной политики. Анализ и обзор. *Славянские исследования. (Институт русских исследований Университета иностранных языков Ханкук)*, 36(3), 1–26.
13. Хоперская, Л.Л., Харченко, В.А. (2017). Евразийская интеграция – 2017: ресурсы и перспективы. *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*, 17(9), 74–77.
14. Шин, Б.С. (2018). Северная политика. Исторический обзор и будущие перспективы. Последствия для новой северной политики правительства Мун Чжэ Ина. *Журнал Дипломатия (Ассоциация иностранных дел Кореи)*, (125), 93–109. (на корейском).

References

1. Asmolov, K. V., & Soloviev, A. V. (2021). Strategicheskaya avtonomiya Respubliki Koreya: intellektual'naya khimera ili politicheskaya real'nost'? [Strategic Autonomy for Rok: Intellectual Pipe Dream or Political Reality?]. *Mezhdunarodnaya analitika*, 12(2), 49–73. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-49-73>
2. Denisov, I. E., & Safranchuk, I. A. (2016). Chetyre problemy ShOS v svete voprosa o rasshirenii organizatsii [Four SCO Enlargement Problems]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, (3), 112–122. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-112-122>
3. Denisov, V. (2006). Koreyskaya yadernaya problema: vozmozhnosti politicheskogo uregulirovaniya sokhranyayutsya [The Korean Nuclear Problem: Possibilities for Political Settlement Remains]. *Analiticheskie zapiski Nauchno-koordinatsionnogo soveta po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO (U) MID Rossii*, (8), 3–16.
4. Dyachkov, I. V. (2021). Perspektivy amerikano-severokoreyskogo dialoga v novom politicheskom tsikle [Prospects for US – North Korea Dialogue in the New Political Cycle]. In A. Z. Zhebin (Resp. ed.), *Sovremennye problemy Koreyskogo poluoostrova: Materialy XXV konferentsii koreevedov Rossii i stran SNG, Moskva, 25–26 marta 2021 goda* (pp. 34–43). Moscow: In-t Dal'nego Vostoka RAN. <https://doi.org/10.48647/IFES.2021.30.98.003>
5. Khon, V. S. (2020). Mnogochislennyye posledstviya novoy severnoy politiki. Analiz i obzor Numerous consequences of the new northern policy. Analysis and review]. *Slavic studies. (Institute of Hankuk Foreign Language Research University)*, 36(3), 1–26.
6. Khoperskaya, L. L., & Kharchenko, V. A. (2017). Evraziyskaya integratsiya – 2017: resursy i perspektivy [Eurasian Integration–2017: Resources and Prospects]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta*, 17(9), 74–77.
7. Kim, S. B. (2016a). *Diplomatiya sredney derzhavy Korei: istoriya, teoriya i praktika* [Korean Middle Power Diplomacy: History, Theory and Practice]. Seoul: Myungin Munhwasa. (in Korean).
8. Kim, S. B. (2016b). *Teoriya budushchey strategii bezopasnosti: pomimo*

netraditsionnoy teorii bezopasnosti [Future Security Strategy Theory: Beyond Non-Traditional Security Theory]. Seoul: Academy of Social Criticism. (in Korean).

9. Koktysh, K.E., Sergeev, V.M., & Igityan, A.A. (2024). *Dolgaya zhizn' organicheskoy metafory Russo: opyt dekonstruktsii kontseptov amerikanskoy politiki v Evrope i Evrazii* [The Cognitive Trap of Rousseau's "Organic Metaphor" and the Construction of U.S. Policy In Europe and Eurasia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 17(5), 161–184. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-5-98-161-184>

10. Shin, B.S. (2018). *Severnaya politika. Istoricheskiy obzor i budushchie perspektivy. Posledstviya dlya novoy severnoy politiki pravitel'stva Mun Chzhe Ina* [Northern Politics. Historical Overview and Future Prospects. Implications for the New Northern Policy of the Moon Jae-In Government]. *Zhurnal Diplomatiya (Assotsiatsiya inostrannykh del Korei)*, (125), 93–109. (in Korean).

11. Toloraya, G.D. (2019). *U vostochnogo poroga Rossii. Eskizy koreyskoy politiki nachala XXI veka* [At the Eastern Threshold of Russia. Sketches of Korean Politics at the Beginning of the 21st Century]. Moscow: Dashkov i K.

12. Vorontsov, A.V. (2018). *Metamorfozy na Koreyskom poluostrove v 2018 g.* [The Korean Peninsula Metamorphoses in 2018]. *Aziya i Afrika segodnya*, (11), 10–17. <https://doi.org/10.31857/S032150750001782-2>

13. Vorontsov, A.V. (2021). *Chto budet na Koreyskom poluostrove v blizhayshee desyatiletie?* [What will happen on the Korean peninsula in the next decade?]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, (1), 122–132.

14. Zakharova, L.V. (2014). *Mezhkoreyskie ekonomicheskie otnosheniya: ot istokov do sovremennosti* [Inter-Korean economic relations: from the origins to the present]. Moscow: IDV RAN.

Информация об авторах

Ким Мин Кёль, соискатель кафедры политической теории, МГИМО МИД России, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8393-3057>, e-mail: kim.m.k@my.mgimo.ru

Кирилл Евгеньевич Коктыш, доктор политических наук, профессор кафедры политической теории, ведущий научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6555-0391>, e-mail: kirill.koktysh@gmail.com

Information about the authors

Kim Min Koel, Postgraduate, Department of Political Theory, MGIMO University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8393-3057>, e-mail: kim.m.k@my.mgimo.ru

Kirill Evgen'evich Koktysh, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Theory, Senior Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6555-0391>, e-mail: kirill.koktysh@gmail.com